

С. 2.

Письма съ Сахалина.

II

Не великъ Корсаковский постъ: на пристань къ приходу парохода выходить почти все наличное свободное население его, и со всеми удастся вникъ познакомиться. Прошудировавъ въ пути обстоятельный очеркъ А. Чехова «Сахалинъ», прочтя любопытныя вѣтки съ Сахалина въ газетъ «Владивостокъ», быстро оскаиваешься въ новой атмосферѣ и начинаешь систематически разбираться въ получаемых впечатлѣніяхъ. Правда, сначала невольно напрашиваются отдаленныя аналогии: сходишь на катеръ съ его хлопотливой командой изъ сильно-каторжныхъ и вспоминаешь особый «мырокъ» Соловьевской обители, гдѣ моряками являются монахи. Но, перебросившись нѣсколькими фразами съ мѣстными чиновниками, тотчасъ узнаешь знакомыя типы, собранные съ бору и сосенки. Вотъ опомнившійся кутила-чиновникъ, имѣвшій «грѣхи» въ молодости своей (промогалъ наследственное, женино имѣнье, чуть не прихватилъ въ минуту горькую и казенныхъ суммъ), но теперь ухажившійся и стяжающій цѣнкой рукой на пользу дѣтишекъ; семьи съ нимъ нѣтъ, онъ живеть на холостую ногу; часто «раскаившійся» грѣхотворникъ заманиваетъ къ себѣ съ вѣзжихъ пароходовъ моряковъ «освѣжиться» (за немиліемъ специальныхъ заведеній здѣсь такимъ «промысломъ» съ выгодною занимаются г.г. чиновники)... и популярность себѣ создаетъ хабобосольнаго хозяина, и старинку вспомнить на одной—другой оргіи.—и даже коммерцію въ тоже время ведетъ—приобрѣтаетъ заграничную контрабанду, сбываетъ сободой, благо сюда заходятъ моряки-торговцы (не смотря на то, что многие украшены кортиками и мундирами); но это праздникъ,—а въ обычные дни этотъ кандидатъ на высшую должность (онъ говоритъ немного по французски) продаетъ чрезъ прислугу снуртъ по «вольной» цѣнѣ, т. е. по 2—4 руб. за бутылку, и копитъ нѣха въ своемъ «кабакѣ». У такого-то чиновника: подъ гостеприимнымъ

кровомъ и снагается въ теченіе мѣсяца, напримеръ, г. Я., капитанъ шкуны З., пришедшей изъ Камчатки; казалось-бы страннымъ, къ чему эта шкуна завернула въ Корсаковский, когда она вполне нагружена и должна-бы сѣсть въ Владивостокъ? Разгадка—проста: въ Камчаткѣ, въ Гижигѣ вышла какая-то неловкость при коммерческой сдѣлкѣ съ инородцами,—а посему хозяинъ шкуны предлагая г. Я. передать ее для привода во Владивостокъ другому служащему, управляющему шкуной Э., во избѣжаніе возможныхъ встрѣтъ неурядицъ при разгрузкѣ ея на рейдѣ нашего восточнаго Босфора. И вотъ подъ предлогомъ какой-то поломки на шкунѣ г. Я. ждетъ сдачи своего судна съ цѣлымъ содержимымъ и намѣренъ далѣе шествовать (по порученію хозяина) въ Японію исполнить кое-какія порученія фирмы, «освѣжиться» (т. е. погулять) и кстати переждать икналь официальныхъ справокъ и неудобныхъ объясненій относительно его поведенія въ Камчаткѣ.

А вотъ другой чиновникъ «карийской формации», т. е. изощрившійся въ веденіи хозяйства въ Забайкальѣ на карійской каторгѣ въ дореформенныя времена (зѣтъ 15—10 тому назадъ), когда казнокрадство тамъ было возведено въ принципъ, этотъ спѣшить славить на пароходѣ кое-какую мебельшкуну, акипажи, изготовленные въ казенныхъ мастерскихъ, благо онъ имѣетъ во Владивостокѣ братца (тоже чиновникъ, но стараго закала, промышляющаго извозомъ городскимъ,—12 работниковъ ежедневно вѣзуть «по 5 рублей каждый достань!»); тюрьма сама, какъ-то адское, въ самомъ жалкомъ видѣ,—а для этого «хозяина чиновника», распоряжающагося мастерскими, столько готовятъ разныхъ разностей, что въ годъ требуется на отбѣлку кошодовъ, шкафовъ и проч. 150 сутунковъ блярышника—по 1 сажени длины, 4 вершка тол-

шины, — замечательного красное дерево. Этот хозяин так рассчитлив, что на «экономно» обставляешь и даже кормишь милых ему людей, — впрочем не забывает и себя: распорядившись казенными покосами, прожаривая 50 голов казенного скота, он воспитывает в десятках своих копей и коров, устилая из них ежегодно до 15 голов сдать на мясо по хорошей цене.

Хозяйство тюремное поражает своим разнообразием, и опытные поля и огороды, и покосы, и рыбалки (морскими неводом ловят селедку, кату — семгу, горбушу), и добыча лесных материалов, и приготовление кирпичей, и выжигание известки, и возка тяжестей, и проведение дорог, и столярная, слесарная мастерская, и козевня и проч., и проч. Казармы арестантов — сырые, грязные сараи; у каторжных нет ни бани, ни прачечной. — Они ходят в вередках по всему тьму, потому что не имеют вовсе ботин, пока не развалятся на плечах... В то же время бирнич обходятся чуть ли не по 25 рублей сотня, возка тяжестей по 60 к. за 100 пудов, сено по 50 коп. пуд, рыбы же своей почти нет. — Ибо рыбалку свели на приготовление тука из селедки для японцев (за это «удобрение» для рисовых полей тюрьма имеет и вырубку — кажется до 300 рублей, т. е. по 7 коп. поденщина рабочего кернуется, не считая затраты на обстановку промысла). Интересно слушать со стороны, как чиновники — хозяева спорят из-за права распоряжаться людьми и работами: каждому хочется получить побольше команды для казенных надобностей. «Вы мне для постройки часовни в селении отпустите 40 человек, — мне надо еще часик то-то поставить» — «Нет, не дам больше 15, мне люди нужны самому: вы вонь раздаете поселенцам кормовые деньги да покойное довольствие, — чего им в зубы смотрите, наложите на каждого по 3 дня барщины в месяц, — да возьмите у меня спирту, в кредит отпущу, — а им все равно, на стороне-ли стану искать спирт или у вас вместо кормовых получать!... Но не о работ теперь, а о людях, хотя, конечно, система работы поддерживается именно личными усилиями немногих сильных могильников и характеризует их. Вот — учитель из

«астраханских рыбаков» (был инспектор в управлении рыбными промыслами на Каспийском море), возникший о себе, что он способен облагодетельствовать край, научить астраханскому засолу селедки; конечно, он уже успел внушить, кому следовало, что он достойный культуртрегер, и получил «способ», ему выстроили казенными рабочими специальный ледник, ему даже дали специальную должность (чиновную) — присмотра за прочими рыбопромышленниками. Уже не первый год ведет операцию сей рыбак, но продукт его ценный все-таки тука (т. е. компост из вываренной полугнилой селедки), потому что «выше аба уши не растут», и нет возможности при примитивной обстановке успеть справиться в 3 дня с чудовишным привалом селедки. Впрочем, рыбак не унывает, оперился и думает продолжать свое дело, если ему каждую «гладкую ночь» будут доставлять карбасы — 2 селедки с соседней казенной рыбалки.

Но неужели нет светлых явлений, спросите вы? Есть, но не яркие. Вот — вызванный на службу агроном для устройства быта поселенцев; он хлопотает об уничтожении донского доводства ссыльными колонистами, а о замке его подрыдами сена, дров, овощей и прочими систематическими заработками... Его годность остается втуне; ему говорят: «не унывать»; его заставляли исполнением полицейских обязанностей, в которых он не имеет ни какого влечения и подготовки; — его «подтагивают», — но ему не дают ни завышения форм, ни покосов, ни рыбалок, ни другого изыскания, ниже «экономических» продуктов довольствия или керосина; — его только терпят.

Сахалин все еще в переходном состоянии, арена борьбы старых хищников с новыми (впрочем, на этот счет бьются и перемирия, возможно и соглашение), что вызвало установление фактического контроля, и арена борьбы старых вьений с новыми. Неужели на Сахалине должны быть администраторы с палками в руках, неужели для понесших кару не должно быть мягкого обращения, неужели в обшество (на материк) могут вернуться только «подаппасы» к хищникам, хорошо аттестованные последними? Посмотрим, до какого шага

Н. К.

(А. В. Кириллов)

из Селедков